Лит. газ, 1981, 18 февр, № 8

ПРОЗА БЫТА И БЫТИЕ ПРОЗЫ

Завершаем дискуссию

В минувшем году на страницах «ЛГ» началась дискуссия «Проза быта и бытие прозы». Были опубликованы статьи Н. Ивановой (№ 33), А. Бочарова (№ 34), Л. Коробкова (№ 36), А. Курчаткина (№ 37), Вл. Гусева (№ 38), Ю. Смелкова (№ 39), В. Яворивского (№ 40), А. Андрианова (№ 41), М. Тычины (№ 42), В. Шапошникова (№ 44), В. Бондаренко (№ 45), Л. Скорино (№ 49), Е. Сидорова (№ 52). Дискуссия вызвала большую читательскую почту. Подборка читательских откликов была напечатана в № 40. В нынешнем году разговор продолжили Р. Киреев (№ 2), А. Устинов (№ 3), И. Янская (№ 4), Ан. Макаров (№ 5). В предыдущем номере были помещены материалы «круглого стола», за которым встретились участники Всесоюзного семинара критиков, чтобы обсудить проблемы, выявленные в ходе дискуссии.

СЕГОДНЯ СТАТЬЯ ФЕЛИКСА КУЗНЕЦОВА, ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОТОРОЙ РЕДАКЦИЯ РАЗДЕЛЯЕТ, ДИСКУССИЯ ЗАВЕРШАЕТСЯ.

Феликс КУЗНЕЦОВ

ЧЕМ ДВИЖЕТСЯ ВЕК

НАЧНЕМ с дефиниции — что же такое этот самый **быт?** Как его понимать? Обратимся хотя бы к новейшему справочному изданию — «Советскому энциклопедическому словарю» (М. 1980). «**Быт**, — говорится в нем, — уклад повседневной жизни, внепроизводственная сфера, включающая как удовлетворение материальных потребностей людей (в пище, одежде, жилище, поддержании здоровья), так и освоение духовных благ, культуры, общение, отдых, развлечения... Складывается и изменяется под влиянием материального производства, общественных отношений, уровня культуры, а также географических условий и оказывает огромное влияние на другие стороны жизни людей, на формирование личности».

Кто же, при таком понимании «быта», — а оно, думается, сегодня общепринято — посягнет на быт в жизни, а следовательно, и в литературе? Быт — и в этом А. Бочаров прав — и в самом деле непременная и органическая часть того, что мы называем **образом жизни**, — социалистическим в одном случае, буржуазным — в другом. Быт порой ничуть не меньше, чем другие стороны жизни, выявляет социальную и духовную суть действительности. Как известно, русский реализм XIX века, «натуральная школа», как его именовал Белинский, и начинался во многом (но именно **начинался!**) с «физиологического очерка», то есть с очерка городского быта, нравов темных, беднейших углов Петербурга.

Таким образом, быт — и в этом, думается, согласны все участники дискуссии — не только никогда не был чем-то запретным для великой русской и советской литературы, но, как реальная и важная сторона жизни действительной, всегда был одним из важных компонентов художественного освоения действительности.

С этих позиций некоторые оппоненты и пытались оспорить ту тревогу, которая прозвучала в статье Н. Ивановой «Вся мелочь жизни?..», начинавшей дискуссию. Но поскольку возражения такого рода, основанные на истинах общеизвестных, неоспоримых и само собой разумеющихся, не отменяли эту тревогу, связанную с засилием некоей «бытовой» прозы в современной литературе,— спор поднялся на новый круг.

«Не материал, но мастер» — со ссылкой на Горького, афористически заявил в своей статье под таким как раз названием А. Бочаров. Правда, приведя мысль Горького о том, что «в искусстве решающую роль играет не всегда материал, но всегда — мастер», он в последующем размышлении опустил сакраментальное «не всегда». И получилась формула абсолютная, а потому — далеко не бесспорная: «Не материал, но мастер», формула, как бы освобождающая художника от ответственности в отборе материала для художнического постижения действительности, снимающая саму проблему приоритетов в отношениях творца с действительностью, проблему, как известно, вполне реальную, более того — обязательную и всегда по сути своей мировоззренческую.

По мнению А. Бочарова и ряда других участников дискуссии, проблема быта в литературе упирается в одно: в писательское мастерство. И он, и другие справедливо критиковали в этой связи те или иные «неудачные произведения, мелкотравчатые, убогие по мысли или смакующие «клубничку», то, как его называет А. Бочаров, «беспросветное бытописание», которого еще, к сожалению, немало на пространных нивах нашей отечественной словесности. Но такого рода критика велась и раньше! Ее необходимо вести и впредь. Однако стоило ли ради этого начинать дискуссию?

ТАК О ЧЕМ ЖЕ спор?.. Может быть, дискуссия «Проза быта и бытие прозы» вообще возникла на пустом месте? Отнюдь нет. Спор идет, и не только на страницах «Литературной газеты», он разворачивается и на писательских собраниях, и в личном общении, в книгах, наконец.

В дискуссии «Литературной газеты» точке зрения Н. Ивановой противостояла не столько статья А. Бочарова, который в чем-то справедливо и в чем-то неточно поправлял Н. Иванову, сколько статья молодого прозаика А. Курчаткина «Огурцы на грядке и горние высоты духа». В ней-то, пусная в чем-то запальчиво, но зато и наиболее ясно, были сформулированы главные проблемы спора.

Суть позиции А. Курчаткина как раз в том, что отвергал своей формулой «не материал, но — мастер!» А. Бочаров, — в утверждении приоритета определенного жизненного материала в литературе в зависимости от общественных потребностей дня, от исторических условий бытия. А. Курчаткин отстаивает не просто право писателя на изображение быта в литературе; он отстаивает право на ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ изображение быта в литературе, мотивируя это требование особенностями нашего времени.

По его мнению, «всякая настоящая проза заквашена именно на нем», на быте. Он объявляет почти всю нашу так называемую военную прозу «прозой быта войны». На его взгляд, главное в этой прозе — не духовно-нравственные истоки человеческого подвига, героизма самопожертвования, но — «быт пребывания человека в военных, фронтовых условиях». «Подобное — и в «деревенской» прозе». Но это же очевидная неправда!.. Сводить «Горячий снег» или «Последние залпы», «Пядь земли» или «В августе сорок четвертого...», «Привычное дело» или «Последний срок» к изображению военного или сельского быта — это то же самое, что представлять «Евгения Онегина» или «Анну Каренину» чисто «бытовыми» произведениями. Между тем в увлечении борьбой за внимание к быту в нашей литературе некоторые участники дискуссии причислили к «бытовой» литературе не только «Анну Каренину» и «Евгения Онегина», но «Мертвые души» и «Преступление и наказание», не говоря уж о Чехове и Бунине...

Пушкин и Гоголь, Достоевский и Толстой, Чехов и Бунин — всего лишь «бытовые» писатели? Что за странный умысел! Но ведь какой-то интерес за этим лукавством стоит?!. Я говорю о лукавстве, потому что не могу поверить, чтобы образованнейшие наши критики и достаточно образованные прозаики не понимали, что, помимо быта, и в нашей, в русской классике, равно как и в современной «военной» или «деревенской» прозе, остается главное: НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ.

Столь лукавые, неточные апелляции к далекому и близкому литературному опыту, явно гиперболизирующие роль быта в русской и советской литературе, приписывающие ему то всеохватывающее место, какого он никогда не занимал, подчинены всего лишь желанию иных наших, по преимуществу молодых, писателей сосредоточить все свое внимание главным образом и по преимуществу на быте. Что ж! Как говорится, вольному — воля, спасенному — рай!..

Однако Анатолий Курчаткин, с наибольшей отчетливостью поставивший в дискуссии эту весьма спорную задачу, попытался представить ее чуть ли не главной задачей всей советской литературы и аргументировать это, обращаясь к закономерностям развития сегодняшней жизни. Критиков, не разделяющих подобной абсолютизации быта в литературе, он упрекает «в непонимании собственно нынешнего времени, его сущности, порождаемых им проблем и явлений. Ведь наше время, — утверждает он, — это время спокойного, я бы сказал, равнинного течения жизни; все дальше в глубь времени отодвигаются страшные катаклизмы начала и середины века... Духовное, социальное, философское низринуто нынешним спокойным течением жизни с горних высот глобальных конфликтов в пучину конфликтов повседневного существования человека — в стихию быта, и проза это зафиксировала... Быт — дело прозы... В годы «равнинного» течения общественной жизни бытие растворяется в быте, они спекаются в один, ничем и никак не разделимый подчас ком, в единую массу, и потому в такие моменты жизни общества особо повышенное внимание писателя к быту не просто естественно и закономерно, но и обязательно».

Такова творческая программа молодого писателя, и не только для себя, но, получается, и для всей современной советской литературы.

ОДНАКО представлять наше время как «спокойное» и «равнинное», полагать, будто страшные катаклизмы глобальных конфликтов отодвинуты куда-то в глубь времен, можно лишь страдая определенной социальной глухотой. Как же художник может не чувствовать, сколь напряжен — до звука сверхнатянутой струны — современный мир, равно как и душа современного человека? Какие могучие и грозные, небывалые в истории общественные страсти бурлят, кипят всеохватно в этом, только по видимости спокойном и равнинном мире? С какой тревожной безусловностью включены, ввинчены души огромного количества людей в эту воистину глобальную борьбу идей, страстей и интересов?!

А наши внутренние, домашние дела? Неужто стали применимы к нам известные слова Маяковского: «Шел я верхом, шел я низом, строил мост в социализм, недостроил и устал и уселся у моста. Травка выросла у моста, по мосту идут овечки, мы желаем — очень просто! — отдохнуть у этой речки»?!

В жизни нашей страны столько трудностей, столько еще недостатков и нерешенных проблем, что она требует, взыскует всенародной инициативы, социальной активности, стремления все большего и большего числа людей к гражданской жизнедеятельности, пробуждения в их душах чувства хозяина и борца, лично ответственного за эту жизнь.

И «пучина конфликтов повседневного существования человека», о которой говорит А. Курчаткин, распространяется не только на «быт», как думает он, то есть на частную, «внепроизводственную» сферу жизни, но и на труд человеческий, дело людей!

И когда в этих обстоятельствах и условиях литературу ориентируют на «особо повышенное» внимание к быту, встает вопрос: за счет чего?

Что есть в жизни, помимо быта, за пределами быта, хотя и не в отрыве от него? Конечно, дело человека, вся сфера жизни общественной, гражданской, мир огромный и сложный и уж ничуть не менее интересный для литературы, чем жизнь частная.

Конечно, есть еще немало людей, целиком и полностью погруженных исключительно в быт и удовлетворенных этим; возможна и литература, воссоздающая зеркально такие характеры, их умонастроения, их внутреннее состояние. Только если это литература честная и при этом не натуралистическая, а психологическая — сошлюсь на «городские» повести Ю. Трифонова, на лучшие произведения Г. Семенова, — она никогда не возьмет на себя смелость утверждать, будто поглощенность людей бытом, жизнью частной, в отчуждении от жизни гражданской, общественной, делает этих людей одухотворенными и счастливыми.

В дискуссии было сказано немало слов о переплавке — в жизни ли, в литературе — быта в бытие, — духовное и даже, по В. Бондаренко, в «космическое». Но на каких путях? — вот в чем вопрос. Каковы в жизни и литературе реальные истоки духовности, равно как и действительные корни бездуховности?..

В антиномии «быт—бытие», в «столкновении духа с материей», как назвал свою статью в дискуссии В. Бондаренко, в этом трансцендентном прыжке от «огурцов на грядке» к «горним высотам духа», который собирается совершить в своей прозе А. Курчаткин, опускается одно, чрезвычайно важное связующее звено. Если отказаться в такого рода прыжках из «быта» в «бытие» в творчестве от «бога из машины», а в мировоззрении — от бога на небесах, то остается только один путь, который надежно и прочно ведет человека на «горние высоты духа». Это общественная, на пользу людей и обществу, жизнедеятельность, гражданское самосознание людей.

Исключая, пожалуй, статью Л. Коробкова «Лукавые дары «малого мира», наиболее близкую мне по своему пафосу и своим выводам, я не услышал в дискуссии, посвященной не только «прозе быта», но и «бытию прозы», вот этой заботы и тревоги, ответа на эту потребность времени и каждой подлинно человеческой личности — в гражданской, общественной, социально активной жизнедеятельности.

Об исследовании этой сферы жизни, неотрывной от быта, но не тождественной быту и не переходящей в быт, об «особо повышенном внимании» писателя к гражданской сфере жизнедеятельности современного человека и современного общества говорилось в дискуссии крайне робко и мало.

ЖИЗНЬ же не просто говорит — она трубит, вопиет об этой потребности времени, потребности в гражданине, патриоте страны, человеке активных нравственных позиций, гражданской честности и мужества, готовом на борьбу за интересы дела, за интересы народа и общества. Время, интересы общества, а в конечном счете и человечества, как никогда, противоречат эгоистической, мещанской устремленности человека быть улиткой, замкнутой в сфере «частной жизни», спрятаться от ветров времени в раковине личного быта, в душевном комфорте потребительства.

Эгоистическая устремленность эта, как раз и вызывавшая к жизни «бескрылый позитивизм, — по определению Е. Сидорова, — огромного числа произведений, обращенных к бытовым и прочим проблемам современности», возникла не в безвоздушном пространстве. Она отражает и выражает вполне определенную, тревожную тенденцию времени, опасность активизации потребительских начал, обусловленную целым комплексом причин и прежде всего тем, о чем говорил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев: «Мы добились немалого в улучшении материального благосостояния советского народа. Мы будем и дальше последовательно решать эту задачу. Необходимо, однако, чтобы рост материальных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей. Иначе мы можем получить рецидивы мещанской, мелкобуржуазной психологии».

Не она ли, эта самая мещанская, мелкобуржуазная психология, заявляет себя в чрезмерной увлеченности бытом в литературе, в этом бескрылом позитивизме описательной «бытовой» прозы, которую так полюбили некоторые наши журналы, поскольку с ней, как кое-кому кажется, меньше хлопот, чем с прозой обостренно гражданских конфликтов? В этой идеализации позиции «улитки», замкнутой в раковине «частной жизни», в этом небрежении гражданскими убеждениями и общественными идеалами, демонстрируемом героями, да и иными авторами подобных книг?

Лучшей, единственно надежной гарантией против болезни мелкотравчатости в литературе является выработка глубокого и зрелого общественного миросозерцания, цельной системы гражданских убеждений, помогающих целостно постигать мир. Блок справедливо связывал «погружение в быт» с «беззвездностью и безверием в искусстве и литературе». Он призывал художников беречь «сторожевой огонь» убеждений, «тот костер», который сжигает «лишь то, что связывает человечеству ноги на его великом пути».

Для литературы губительно не само «погружение в быт», но «беззвездное», безыдеальное отношение к действительности, когда в быт погружаются ради быта, когда его живописание становится самоцелью, не освещенной большими социальными идеалами, гуманистической идеей, творческой сверхзадачей.

Сторонники исключительного внимания к быту почему-то почти ничего не говорят о том, ради чего современная проза должна погружаться в быт, что там искать, какие идеалы отстаивать, за какие ценности воевать. А ведь это главное, потому что быт — не более чем жизненный материал литературы, который художник пропускает через себя ради того, чтобы, по словам Белинского, вдохнуть в него «душу живу».

При зрелом социально-философском миросозерцании, сильной гражданской, общественной мысли обращение и к этому материалу высекает искру высокого, подлинного искусства. Такое мировоззрение обязательно исходит из того, что наряду с бытом, частной жизнью, повседневностью, удовлетворением жизненных и духовных потребностей есть еще и «другая жизнь» жизнь общественная, трудовая, в которой человек выступает не просто как «частное лицо», но как гражданин социалистического Отечества, живущий по принципу, сформулированному для себя, к примеру, нилинским Веньой Малышевым: «Мы за все отвечаем, что есть и что будет при нас». И хотя в исследовании жизни в том или ином конкретном произведении художник может и не выходить за пределы быта, эта «другая жизнь» будет незримо здесь присутствовать — в оценках, в «воздухе», атмосфере произведения.

Вместе с тем такая гражданская позиция писателя по законам художественной правды не позволит, не даст возможности ему ограничить свои творческие интересы замкнутыми пределами быта, потому что жизнь являет собой ту духовную и нравственную целостность, когда быт прорастает в бытие, когда гражданская и частная сферы жизни составляют в итоге единое, неделимое целое. Важно только подходить к художническому познанию и осмыслению жизни не с позиций «частного лица», не на уровне обыденного, то есть бытового сознания, но на достаточно высоком мировоззренческом уровне, на уровне современного общественно миросозерцания.

Здесь-то и начинаются главные трудности прозы, которая ориентируется главным образом и по преимуществу на быт.

ЧАСТНУЮ жизнь человека эта проза может даже иногда соотносить с «производством», но она не осознает «производство» как жизнь гражданскую, общественную, наполненную своими страстями и конфликтами, поскольку внутренняя, духовная суть человеческого «дела» остается для нее такой за семью печатями. Так, Руслан Киреев, защищающий «бытовую прозу» в статье «А все-таки она существует!», вместе с тем справедливо признает: «Серьезный писатель не может не знать, что делает его герой вне дома». И уж совсем далеко идущее признание: «...понять современного человека без досконального знания того, чем занимается он «на службе», практически невозможно. Этого досконального знания нам, к сожалению, хватает не всегда. Вот где главная беда «бытовой прозы», вот где ее уязвимость, и вот откуда не называемая вслух, но подразумеваемая — и нередко не без оснований — второсортность этой литературы».

Вот и гуляют по страницам «бытовой прозы», переходя из повести в повесть, из рассказа в рассказ, приемщицы химчисток и прачечных, водители такси и вообще — шоферы, стюардессы, продавцы, парикмахеры, почтальоны и, как говорит Р. Киреев, «полный набор медицинских работников». При этом так называемое «производство» для того же Р. Киреева всего лишь «служба», то есть фон. А вот, к примеру, для О. Куваева и героев его романа «Территория» так называемое «производство», а в действительности — тяжкий труд геологов на краю северной земли — не «служба», но — служение, дело всей жизни, повседневный, нечеловеческий, тяжкий быт и одновременно смысл жизни, подвиг души.

«Поглощенность бытом» многих молодых писателей — следствие не только «беззвездности», невыработанности высоких общественных идеалов и гражданских убеждений, но еще и самого обычного, заурядного незнания трудовой народной жизни, ее реальных характеров и конфликтов, ее глубинной сути. «Если случай и сподобит нас встретиться, ну, скажем, с маркшейдером, то все равно мы знать не знаем, чем занимается он в своей шахте, а слесарь-сантехник, явившийся к нам ремонтировать кран, весь на виду, — замечает по этому поводу Р. Киреев. — И мы, благодарные, спешим вставить его в очередной опус».

А каков результат? Многие ли из этих, как горох, появляющихся «бытовых» произведений о «частной жизни» современного человека вошли в наше сознание как явления серьезной литературы?

Ведь и произведения, которые, казалось бы, замешены на быте, если они серьезны и талантливы,— произведения того же Ю. Трифонова, Ю. Казакова, Г. Семенова, А. Алексина, В. Амлинского, А. Лиханова и др. далеки от натуралистической бытописательности. Как правило, это произведения активной гражданской позиции — именно потому они закрепились в нашем общественно-литературном сознании. Чаще всего это произведения ярко выраженной антимещанской, антипотребительской направленности, поверяющие поглощенность героев бытом требованием от человека высоких общественных идеалов. И проза эта — не «бытовая», но нравственно-философская, социально-психологическая, проза напряженнейших нравственных исканий.

Точно так же с некоторым недоверием, с пристрастием, думается, следует отнестись и к заявлению молодого критика В. Бондаренко о некоей «новой волне современной прозы, строящей свою концепцию понимания мира и человека на постижении быта», предпочитающей «телескопу микроскоп», которую он «условно» называет даже «московской школой» и к которой относит чуть ли не всех молодых, недавно вошедших в литературу писателей. Но зачем же всех молодых «московских» писателей заранее и на всю жизнь приковывать к тачке «быта»? Да и в какой степени это отвечает сегодняшнему положению дел? К кому конкретно это относится? К Ю. Антропову? А. Кривоносову? В. Шугаеву? В. Личутину? А. Проханову? А. Скалону? О. Попцову? Л. Беляевой? А. Киму? В. Крупину? П. Краснову?.. А если выйти за пределы Москвы — А. Плетневу? В. Маслову? В. Афонину?..

Дискуссии «Проза быта и бытие прозы» в «Литературной газете» предшествовал спор, посвященный нашей прозе о деревне, переросший в широкое обсуждение путей современной советской прозы вообще. И начинали этот спор, да в значительной степени и вели, молодые московские прозаики и критики — А. Проханов, Вл. Гусев, тот же В. Бондаренко и другие. Начинали его и сражались отнюдь не за то, чтобы от достижений и завоеваний лирико-философской и одновременно остросоциальной прозы о деревне движение литературы повернулось вспять, чтобы ориентировать литературу прежде всего на погружение в быт — за счет иных, ничуть не менее важных, а в чем-то и куда более значимых сфер нашего общественного бытия, многообразия действительности.

Зачинатели этой дискуссии претендовали в той дискуссии на очень многое, и прежде всего на то, чтобы сделать новый шаг, вслед за современной «деревенской» прозой, в постижении социальной нови нашей сегодняшней городской и деревенской жизни в ее наисовременнейших формах социально-экономического и научно-технического существования. Что ж, как говорится, дерзайте, юноши, если хватит сил! Исполать вам на этом многотрудном пути!..

Это не значит, что данный путь в литературе единственный. Круг «общественных потребностей» времени сегодня многообразен: он требует разнообразных идейно-творческих исканий, богатства творческих индивидуальностей, а не однолинейности. В этот круг входят глубинное исследование и постижение как гражданской, так и частной, «бытовой» жизни людей, общественной и личной нравственности, общечеловеческих ценностей и ценностей, сформированных социализмом. В идеале в конечном счете литература устремлена к целостному постижению течения народной жизни, поскольку целостна и сама современная жизнь.

Небывало раздвинулись сегодня — и как раз за счет гражданских, общественных интересов — границы «частной жизни» советского человека, обогатился и расширился его внутренний мир. Вот почему непродуктивно для литературы и критики искусственное деление жизни на «быт» и «производство», на жизнь «частную» и «общественную», а уж тем более утверждение приоритета жизни «частной» за счет жизни общественной.

Практика литературы показывает, что искусственное ограничение художественного исследования действительности пределами замкнутой «частной», личной, бытовой жизни часто приводит к художественной неправде, точно также как недооценка в прозе внутреннего мира человека и его психологии приводит к схематизму и художественной неполноте.

Мир человеческий неделим сегодня в еще большей степени, чем вчера. Это не означает, что в каждом произведении каждого писателя должна присутствовать вся полнота этого мира, что, конечно же, невозможно, да и не нужно; это значит, что полнота представлений о мире и человеке как существе в первую очередь общественном должны жить в душе каждого истинного художника, что он должен стремиться к постижению и осмыслению мира во всей его целостности и полноте.

ВЫБОР писателем жизненного материала для художнического исследования определяется его склонностями, особенностями биографии и таланта, его творческой индивидуальностью, идейно-творческими целями и задачами. Неоспоримо, в частности, право того или иного писателя на художественное исследование непростых перипетий современного быта. Не надо только представлять этот собственный творческий интерес в качестве обязательного и первостатейного для всей современной советской литературы. И надо помнить, что проблемы современного быта невозможно художнически постигнуть на уровне бытового, обыденного сознания, — необходим социально-философский, конкретно-исторический, одухотворенный высоким общественным идеалом подход к ним.

Повествуя о том, как (вспомним статью В. Гусева в данной дискуссии) «Маша любит Сашу, но Саша эгоист, а само-то Маша приобретательница», в упоении занимаясь проблемами личной жизни своих персонажей, не должно забывать известные слова Н. Г. Чернышевского, сказанные им в связи с «бытовой», по этим меркам, повестью И. Тургенева «Ася»: «Без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах, без приобретения чувств гражданина ребенок мужского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних, а потом пожилых лет, но мужчиной он не становится или по крайней мере не становится мужчиной благородного характера. Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без влияния чувств, пробуждаемых участием в них. Если из круга моих наблюдений, из сферы действий, в которой вращаюсь я, исключены идеи и побуждения, имеющие предметом общую пользу, то есть исключены гражданские мотивы, что останется наблюдать мне? в чем остается участвовать мне? Остается хлопотливая сумятица отдельных личностей с личными узенькими заботами о своем кармане, о своем брюшке или о своих забавах».

Такое впечатление, будто Н. Г. Чернышевский принимает самое живейшее участие в нашей дискуссии. Он даже как бы отвечает впрямую В. Бондаренко на предпочтение «микроскопа» — «телескопу», вспоминая о том, как глаза одного из героев Гофмана, Перигринуса Тисса, получили силу микроскопа. Каковы же «были для его понятий о людях результаты этого качества его глаз»? «Красота, благородство, добродетель, любовь, дружба, все прекрасное и великое исчезло для него из мира...».

Столь таинственный эффект живейшего присутствия выдающегося русского критика XIX века в литературных спорах современности не случаен: сам предмет спора не нов. Он давно и тщательно выверен и решен великой русской и советской литературой, которая, как говорил Н. Г. Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы», «по самой натуре не может не быть служительницею стремлений века, не может не быть выразительницею его идей. Вопрос состоит только в том, каким идеям должна служить она, — таким ли, которые, не имея важного места в жизни века, сообщат и литературе, ими ограничивающейся, характер пустоты, празднословия, или тем идеям, которыми движется век. Ответ на это нимало не затруднителен: только те направления литературы достигают блестящего развития, которые возникают под влиянием идей сильных и живых, которые удовлетворяют настоятельным потребностям эпохи».